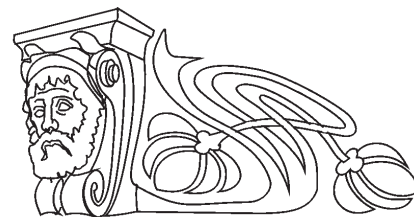

УДК 130.2

КУЛЬТУРА ПРЕОДОЛЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ

А. И. Мацына

Мацына Андрей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Челябинск), докторант кафедры философии, Челябинский государственный университет, matsyna@inbox.ru

Статья посвящена исследованию феномена преодоления как трансцендирования человеческого бытия и формированию культуры преодоления. Формирование культуры преодоления определяется как комплексная разработка содержания совокупного опыта человечества по трансцендированию и одухотворению реальности. Автор развивает созданную им концепцию метафизики преодоления, моделирующую динамизм духовного пространства личности, используемый различными историческими формами культурного снятия дихотомии жизни и смерти. На основе источниковой базы, включающей инициатические, некрологические источники и философско-танатологические концепции, последовательно реконструируются и раскрываются особенности эзотерической культуры преодоления. К отличительным особенностям эзотерической культуры преодоления относятся возвратная онтология, комплекс реинкарнационных представлений, особенный онтологический статус принципа души, доминирование аналогового восприятия, линия абсолютного «нечто», восприятие человека как прямого проявления абсолютного принципа. Религиозно-эзотерическая культура преодоления соотносится с мистическим способом мировосприятия и архаическими традициями воинов, создает уникальное духовное пространство, которое во многом определяется идеей мистериального преодоления дихотомии жизни и смерти и насыщения индивида метафизической полнотой бытия.

Ключевые слова: преодоление, метафизика преодоления, культура преодоления, религиозно-эзотерическая танатология, смерть, дихотомия жизни и смерти, традиции воинов, обряды перехода, инициация, мистика.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-399-403>

Антропологический кризис приводит к необходимости углубленного осмысления человеческой способности преодоления самоограниченности в соответствии с высшими духовными ценностями. В философско-антропологических трудах М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, А. Бергсона уникальность человеческого существа раскрывается в динамике культурного преодоления внешних и внутренних вызовов. Это направляет к комплексной разработке содержания совокупного опыта трансцендирования, одухотворения

реальности с целью формирования культуры преодоления как элемента человеческого бытия.

Философское осмысление культурного снятия оппозиции жизни и смерти позволило автору сформировать метафизику преодоления – динамическую модель духовного пространства личности как отношения имманентности части к трансцендентности целостного бытия. Основанием такой модели явилась генерализация смысла культурного преодоления дихотомии жизни и смерти, представленного ее разными вариантами.

Данное исследование посвящено особенностям религиозно-эзотерической культуры преодоления, представленной несколькими группами источников: во-первых, это результаты осмысления мифологической основы древней погребальной обрядности; во-вторых, источники, связанные с инициатическими учениями брахманизма, иудаизма, древней Месоамерики, суфизма, европейского герметизма и средневековой европейской алхимии, средневековые японские трактаты, посвященные «пути воина» и их современная интерпретация; в-третьих, это источники, связанные с древнеегипетскими, древнеиндийским, майяским и тибетско-ламаистским заупокойными культурами. И, наконец, это работы зарубежных и отечественных исследователей и сторонников эзотеризма в рамках интегрального традиционализма. Религиозно-эзотерический традиционализм реанимирует архаическое холистски-целостное преодоление дихотомии жизни и смерти и базируется на представлениях о человеке как проявлении (манифестации) Абсолюта в материальной периферии бытия. Символическое увязывание смерти с периодами манифестации и деманифестации Абсолюта служит основой разработки возвратной онтологии в концепциях вечного возвращения, космического обновления, священного года (Г. Вирт), имманентного (перманентного) воскресения (А. Дугин) и соотносится с основополагающим значением новогоднего праздника в индоевропейском (Ф. Б. Кейпер) и более позднем, скифском (Б. Шишло) мифе и ритуале.

Возвратная культура преодоления базируется на ассоциативной природе мифа и является своего рода «открытой» системой, требующей расширения исследовательских границ.

К. Г. Юнг усиливает эвристику, представив коллективное бессознательное как бездонный «потусторонний» душевный мир в своих ранних *Septem Sermones ad mortuos*. Более радикален в этом отношении интегральный традиционализм с идеей «изначальной традиции» (Р. Генон), соотносящейся с концепцией Мономифа [1]. Генон обращается исключительно к внутреннему ядру духовных традиций, дистанцируясь от любых неортодоксальных и модных интеллектуальных течений; эту линию концептуально развивает А. Дугин, считая полноценной эзотерикой лишь древние манифестационистские корни живых религиозных традиций в мистических течениях каббалы, суфизма и герметизма [2, с. 226]. Сложность работы с архаической подоплекой духовных традиций связана с их аналоговой спецификой, ориентирующей на многоуровневое смысловое пространство, передающееся через контекст. Категории интегрального традиционализма помогают охарактеризовать особенности религиозно-эзотерической культуры преодоления.

Яркой особенностью религиозно-эзотерической культуры преодоления является комплекс реинкарнационных представлений. Следует отметить, что современный реинкарнизм формируется на основе обыденного мировосприятия и является онтологически противоречивой реминисценцией традиционных представлений. Древние комплексы подобных представлений в брахманизме, орфизме, пифагореизме дошли до нас отнюдь не в аутентичной передаче, искажены уже в древности и могли быть значительно сложнее. Современные реинкарнационные представления о внутреннем обновлении души как трансцендентальном акте смены телесных оболочек можно понимать как профанированное экзотерическое выражение надежды на мистериальное перерождение [3, с. 148].

Религиозно-эзотерическая мысль определяет онтологический статус души и тела в «парадигме сферы» [4, с. 38–53]. Человек воспринимается как манифестация, прямое проявление трансцендентного принципа в периферийных слоях бытия. Например, адвайто-ведантистская концепция высшего тождества («атман есть брахман») определяет дух, присутствующий в человеке, как Абсолют. Принцип души раскрывается как некое присутствие трансцендентного в имманентном и дополняется концепциями тотальной сущностной метаморфозы и имманентного воскресения [2, с. 196]. Особенности такого восприятия мира отражает аналоговый уровень человеческой психики, доминирование которого заменяет логическое восприятие алогичным скольжением внимания по рельефу бытия с последующим

воспроизведением целостного бытийного узора. Любая вещь получает статус многомерной реальности со множеством инаковых значений. Природа суждения здесь качественно изменяется, поскольку отрицание уже не знает абсолютного «ничто», доминирующего в рациональных пластах психики. Абсолютное «ничто» растворяется аналоговым уровнем восприятия в многомерном абсолютном «нечто». Изъятие любого элемента из бытийного узора изменяет его немедленной компенсацией отсутствующего элемента. Поэтому и состояние *post-mortem* соотносится с представлением не об «абсолютной гибели», а о метаморфозе, означая «инобытие того же самого, либо иного» [5, с. 290]. Иными словами, креационистская линия абсолютного «ничто» заменяется здесь манифестационистской линией абсолютного «нечто».

Религиозно-эзотерическая культура преодоления соотносится с мистикой как особым типом рациональности, корни которой лежат в бессознательных, безречевых слоях человеческой психики. В отличие от рассудка, воспринимающего многообразие и разобщенность мира, мистическое переживание улавливает изначальное единство всех вещей. Идею мистериального пути как поиска «истины и реальности, выходящей за пределы чувственной и интеллектуальной сфер» [6, с. 145], так или иначе, принимают все религиозно-эзотерические концепции. Стоит заметить, что интегральный традиционализм исключает из состава конспирологические контаминации религиозно-эзотерической мысли, связывающие идею мистериальности не с таинством, а с оккультностью, тайной и конспирацией. Эти контринициатические формы мистериальности направлены на деформацию и разрушение духовного мира личности [7, с. 30, 345]. Они составляют антитезу религиозно-эзотерической культуре преодоления как приобщения индивида к Абсолюту и метафизической реализации человека.

В связи с обсуждаемой проблематикой интерес представляют эмпирические матрицы переживаний, открытые психологией глубин. Перинатальная матрица содержит такие переживания смерти и возрождения, которые эмоционально напоминают ритуально-инициатические. Трансперсональная матрица фиксирует «ощущения исчезновения грани между обыденным и священным», когда «факт индивидуальной гибели теряет весь свой трагизм» [8, с. 142]. С этими прозрениями связаны такие изменения жизненных координат и ценностных ориентаций, как сдвиг от оперирования крупномасштабными периодами к установке «жить сегодняшним днем».

Это соотносится с эпикурейскими и стоическими установками, с традиционными «путями воина» и характерным для них приятием факта смерти и отрешенным пониманием абсурдности стремления к бренным ценностям. Психология глубин описывает сложные динамические образы сознания как метаморфический переход через уровни многомерного бытия. Это сближает образы из «книг мертвых» и посвятительных ритуалов с матрицами глубинного сознания. Безречевые образования, составленные из спаянных воедино образов, представляющих «что-то вроде...» (Г. Бейтсон), составляют основу аналогового слоя психики. Вероятно, нерасчленимый образно-смысловой ряд, связывающий категории смерти и трансформации, был эмпирически открыт в глубокой древности и стал основанием символической схемы обретения жизни через преодоление смерти.

Глубинные матрицы архаического слоя сознания сопоставимы с обрядами «перехода» (А. Ван Геннепп). Иррациональный инициатический ритуальный переход от смерти к возрождению стал нерассудочной основой культуры преодоления в древних мистериях. Нерассудочность и неизреченность такого опыта заставила сформировать визионерский подход (К. Кастанеда) к постижению мифа с целью осмысления мистического контекста. Мистический контекст описания «точки разрыва» между жизнью и смертью объединяет концепции К. Кастанеды («Дар Орла», «Огонь изнутри») с учениями Дж. Бруно («О героическом энтузиазме»), Юдзана Дайдодзи («Будосесинсю»), Ямамото Цунэтомо («Хакагурэ»), Юкио Мисимы («Хакагурэ Нюмон») общим онтоантропологическим моментом. Феномен смерти вписан здесь в изменчивый рельеф текущей человеческой жизни. Балансирование «на грани» заставляет воспринимать каждый миг жизни как последний, в его максимальной энергичной насыщенности. Каждое мгновение жизни наполняется экзистенциально напряженным содержанием, в котором время перестает играть существенную роль. На узкой полоске бега «человека преодолевающего» по сию сторону порога трансцендентности, проведенного перманентным присутствием смерти, выстраивается философия «бесформенного абстрактного воина» (К. Кастанеда) двух видов: по отношению к способу преодоления. Один нивелирует абсурд ограниченного телесного существования безоговорочным принятием печали бытия, выбирая «слезы и смерть». Другой выбирает «смех и жизнь» в своем стремлении к метафизической реализации. Апофатизм бесконечности перемещается в границы конечного, совмещаясь с имма-

нентной духовностью субъекта, воспаряющей кверху потенциальных трансцендентных возможностей, в то время как телесность склоняет лишь к одной, да и то не всегда актуальной. В этой трансцендентности, рвущейся из ограниченного тела, человеческая жизнь приобретает скромный, но «шанс получить шанс» метафизической реализации. А единственно правильным выходом абстрактного воина становится вбросить себя в поток бытия, в безупречное действие, в борьбу, вызывая в бесстрашном вызове конечности жизни: «*canta y no llores*»....

На путях «великого делания», «абстрактного воина», самаурая компромисс с ограниченной телесностью жизни жертвуется «в пользу нищих духом и слабым телом» [9, с. 58–59]. Антителической порыву «человека преодолевающего» оказывается единственная «нетойная» ситуация, предоставленная «человеку небытия» [10] в качестве противоположного варианта философского отношения к жизни. Противоположные позиции «человека преодолевающего» и «человека небытия» сближаются в трансцендировании реальности путем некоего утвердительно отрицания смерти. Такой способ преодоления конечности жизни путем сведения ее к неочевидности и активного привлечения символики смерти как атрибута бесконечности закрепляется в инициатической культуре преодоления и находит свое максимальное выражение в традициях воинов. Воинские практики абстрактного помещения смерти «у себя за спиной» (К. Кастанеда) направлены на усиление положительных иррациональных нерассудочных жизненных восприятий. Этот опыт характеризуется космичностью, неизреченностью, интуитивностью, кратковременностью, насыщенностью, скоротечностью и динамичностью и может быть определен как мистический. Он соотносится с дильтеевским пониманием жизни как взаимосвязи части и целого в непосредственном переживании реальности, которая не может быть определена, обоснована и освоена полностью, но «простирается до неразличимых глубин нашего естества», когда «все существующее как таковое дано лишь в настоящем» [11, с. 132].

Полноценное осознание каждого мига жизни приводит к тотальному примирению со смертью, которое является сутью различных духовных практик, древних мистерий и ритуалов перехода. Индивидуация бессознательного, связанного с категорией смерти, не может не приводить к идее мистериальности [8, с. 282], к пути алогичного преодоления сознанием трансцендентной пропасти между жизнью и смертью. Алогичный фон задается аналоговым уровнем сознания как

полноправным его рассудочному уровню. Такая амбивалентность психики позволяет мифологическому сознанию преодолеть «черную яму» феномена смерти, перескакивая привязанность к чувственному миру и следуя «по дороге жизни даже в момент смерти» [12, с. 302].

Выстраивается обратная причинная связь от проявлений бессознательного как особой реальности, дающая основание воспринимать сознательный мир как род кажимости. Беспощадное событие смерти, *sub specie aeternitatis*, оказывается неординарным событием обретения полноты бытия. Такой подход устраняет зияющий провал абсолютного «ничто» в сознании, а в культурной символике архетипы смерти и трансформации занимают едва ли не первое место. Уже примитивные родоплеменные учения включают в свой состав такие коллективные содержания, а мистические традиции имеют дело с их культурно переработанными смыслами: смерти как мистического слияния противоположностей; аллегории «жизненной смерти» как воскрешения души [13]; символики философского камня как центрального образа трансмутационной практики; образа целостного, живого и метаморфичного космоса, начало которого есть одновременно и конец вещества как живого, его физическая деструкция и смерть [14, с. 153].

Таким образом, религиозно-эзотерическая культура преодоления базируется на онтологии возврата и создает уникальное духовное пространство. Его существенными характеристиками являются принцип сакрализованной телесности, трансцендентный фактор души и метафизика абсолютного «нечто». Это специфическое духовное пространство неразрывно связывает мировоззрение и языковые средства его выражения в эзотерической культуре преодоления, которая во многом определяется идеей

мистериального преодоления оппозиции жизни и смерти. Религиозно-эзотерическая культура преодоления связана с трансцендированием бытия путем насыщения индивидуального и ограниченного онтологического пласта действительной жизни метафизически абсолютной потенциальностью бытия.

Список литературы

1. Зубко Г. В. Миф как составная часть общечеловеческого духовного фонда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2001. № 3. С. 3–17.
2. Дугин А. Г. Философия традиции. М., 2002. 624 с.
3. Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М., 1996. XVI+188 с.
4. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002. 418 с.
5. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. 352 с.
6. Гуревич П. Мистика как культурная традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 136–145.
7. Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997. 408 с.
8. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти / пер. с англ. А. И. Неклесса. М., 1996. 244 с.
9. Сенцов С. Философия жизни Юкио Мисимы // Филологос. М., 1999. № 1. С. 53–60.
10. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 158–165.
11. Дильтей В. Категория Жизни // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 129–143.
12. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. Л. Булкиной. Киев, 1994. 405 с.
13. Юнг К. Г. *Mysterium coniunctionis* / пер. с нем. О. О. Чистякова. М. ; Киев, 1997. 688 с.
14. Рабинович В. Л. *Vita mortua* и ее конструктор // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 151–154.

Образец для цитирования:

Мацына А. И. Культура преодоления в религиозно-эзотерической танатологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 399–403. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-399-403>

The Culture of Overcoming in Religious Esoteric Thanatology

A. I. Matsyna

Andrey I. Matsyna, Branch of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin" in Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, matsyna@inbox.ru

The article is dedicated to the study of the phenomenon of overcoming as the transcendence of human existence and the shaping of the

culture of overcoming. The shaping of the culture of overcoming is defined as integrated content development of mankind's total experience in transcending and spiritualizing the reality. The author develops his own concept of metaphysics of overcoming that models an individual's spiritual space dynamism and is used throughout history for the cultural removal of the life and death dichotomy. The esoteric culture of overcoming is reconstructed and revealed on the foundation of a source base that includes initiatory, necrological sources and philosophical-thanatological concepts. The distinctive features of the esoteric culture of overcoming are the return ontology, the complex of reincarnation notions, the special ontological status of corporeality and soul, the dominance of analog perception, the line of absolute

“something”, the perception of man as a direct manifestation of the absolute principle. The religious esoteric culture of overcoming correlates with the mystical way of the world perception and the archaic traditions of warriors. The religious esoteric culture of overcoming creates a unique spiritual space that is largely determined by the idea of mystical overcoming of the life and death dichotomy and endowing the individual with the metaphysical completeness of existence.

Key words: overcoming, the metaphysics of overcoming, the culture of overcoming, religious and esoteric thanatology, death, dichotomy of life and death, traditions of warriors, rites of transition, initiation, mysticism.

References

- Zubko G. V. Mif kak sostavnaya chast obshchechlovecheskogo dukhovnogo fonda [Myth as an integral part of the universal spiritual fund]. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 13. Vostokovedeniye* [Bulletin of Moscow University, Ser. 13. Oriental Studies], 2001, no. 3, pp. 3–17 (in Russian).
- Dugin A. G. *Filosofiya traditsii* [Philosophy of tradition]. Moscow, 2002. 624 p. (in Russian).
- Kurayev A. *Ranee khristianstvo i pereseleniye dush* [Early Christianity and the transmigration of souls]. Moscow, 1996. XVI+188 p. (in Russian).
- Dugin A. G. *Evolyutsiya paradigmnykh osnovaniy nauki* [The evolution of the paradigmatic foundations of science]. Moscow, 2002. 418 p. (in Russian).
- Kosarev M. F. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya* [Fundamentals of pagan worldview]. Moscow, 2003. 352 p. (in Russian).
- Gurevich P. Mistika kak kulturnaya traditsiya [Mysticism as a cultural tradition]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 1994, no. 5, pp.136–145 (in Russian).
- Konets Sveta (eskhatologiya i traditsiya)* [End of the World {eschatology and tradition}]. Moscow, 1997. 408 p. (in Russian).
- Grof S., Halifax J. *The Human encounter with Death*. New York, 1978. 240 p. (Russ. ed.: Grof S., Halifax J. *Chelovek pered litsom smerti*. Per. s angl. A. Nekless. Moscow, 1996. 244 p.).
- Sentsov S. *Filosofiya zhizni Yukio Misimy* [The philosophy of life of Yukio Mishima]. *Filologos* [Filologos], 1999, no. 1, pp. 53–60 (in Russian).
- Chanyshchev A. N. *Traktat o nebytii* [Treatise on non-existence]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 1990, no. 10, pp.158–165 (in Russian).
- Dilthey W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. In: *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse*. Berlin, 1910. S. 1–123. (Russ. ed.: Dilthey W. *Kategoriya Zhizni*. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 10, pp. 129–143).
- Jung C. G. *Erinnerungen, Träume, Gedanken*. Zürich, 1962, 422 p. (Russ. ed.: Jung C. G. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya*. Per. s nem. I. Bulkinoy. Kiev, 1994. 405 p.).
- Jung C. G. *Mysterium Coniunctionis: Utersuchung uber die Trennung und Zusammensetzung ger seelishen Gegensatre in der Alchemie*. Parts I и II. Zurich, 1955–1956. 670 p. (Russ. ed.: Jung C. G. *Mysterium coniunctionis*. Per. s nem. O. O. Chistyakova. Moscow, Kiev, 1997. 688 p.).
- Rabinovich V. L. *Vita mortua i ee konstruktor* [Vita mortua and her designer]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 1995, no.10, pp.151–154 (in Russian).

Cite this article as:

Matsyna A. I. The Culture of Overcoming in Religious Esoteric Thanatology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 399–403. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-399-403>